

В.И. БУЛВА

НОВЫЕ ФОРМАТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: СЕТЕВАЯ ДИПЛОМАТИЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ И РОЛЬ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена определению роли нового формата дипломатического взаимодействия — сетевой дипломатии — в сфере традиционной безопасности (урегулировании военно-политических конфликтов) и в борьбе с новыми вызовами и угрозами. Актуальность исследования обусловлена тем, что автор определяет, каким образом такие преимущества сетевых форматов, как гибкость, отсутствие иерархии и инклузивность могут быть использованы для предотвращения угроз безопасности с учетом новых тенденций на международной арене. Новизна идеи статьи заключается в том, что особое внимание уделяется анализу сетевой дипломатии России на данном направлении с опорой на национальные интересы государства.

Ключевые слова: сетевая дипломатия, безопасность, военно-политический конфликт, новые вызовы и угрозы.

NEW FORMATS OF INTERNATIONAL COOPERATION: NETWORK DIPLOMACY IN THE FIELD OF SECURITY AND THE ROLE OF RUSSIA

Abstract. The article defines the role of a new format of international interaction — network diplomacy — in the field of traditional security (settlement of military and political conflicts) and in combating new threats and challenges. The relevance of the study is due to the fact that the author evaluates how such advantages of network formats as flexibility, absence of hierarchy and inclusiveness can contribute to preventing security threats given new trends in the international arena. The novelty lies in the analysis of Russia's network diplomacy in this area based on the national interests of the State.

Keywords: network diplomacy, security, military and political conflict, new threats and challenges.

Сегодня, в постоянно меняющихся геополитических условиях на фоне расширения сфер международного сотрудничества и изменений субъектного состава акторов мировой политики, повышается востребованность в укреплении гибких институтов глобального управления. К таковым относятся различные форматы сетевой дипломатии, создание которых не предполагает

БУЛВА Валерия Игоревна — кандидат исторических наук, сотрудник Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва

формирование бюрократизированной структуры (в т.ч. учреждения постоянной штаб-квартиры и принятия устава), что позволяет экономить на финансовых и бюрократических издержках [1].

После окончательного отказа от блоковой дипломатии, характерной для периода холодной войны, большое внимание зарубежных и отечественных исследователей привлекает тема сетевой дипломатии. На сегодняшний день не существует единого понимания этого феномена. На Западе акцент делается либо на повышенной роли неправительственных субъектов [2] в рамках так называемых «горизонтальных сетей» — взаимодействия национальных правительств и других заинтересованных сторон, либо на смещении акцента с межгосударственного сотрудничества на развитие наднациональных структур («вертикальных сетей») [3]. В отечественной научной литературе подчеркивается, что главная черта институтов сетевой дипломатии — неиерархичность и инклузивность, однако государства по-прежнему несут первостепенную ответственность за принятие решений по международным проблемам.

* * *

Общей тенденцией в мировой и российской науке выступает то, что при изучении сетевой дипломатии фокус внимания преимущественно сосредоточен на анализе глобальных институтов — «Группы семи», «Группы двадцати» и БРИКС. Вместе с тем механизмы сетевого взаимодействия на практике всё чаще создаются для решения конкретных проблем, как правило, в области безопасности. Такой подход позволяет развивать точечное сотрудничество на определенном направлении, актуальном в текущих реалиях. В связи с этим целесообразно было бы провести анализ перспектив использования сетевых площадок для укрепления международной стабильности и безопасности и роли России в этом процессе.

Изначально сетевая дипломатия в сфере безопасности предполагала создание форматов по урегулированию конфликтов, иными словами, ее становление проходило в рамках традиционной военно-политической безопасности. Учитывая секьюритизацию новых сфер международных отношений [4], результатом которой стало расширение повестки безопасности за счет других направлений, инструменты сетевой дипломатии начали использоваться и для выработки мер по борьбе с новыми вызовами и угрозами.

Сетевые форматы по урегулированию конфликтов

Несмотря на то что эпоха холодной войны закончилась, окончательный конец Ялтинско-Потсдамской системы еще не наступил. Ее отголоски находят отражение и в сфере безопасности, а именно — в вопросах урегулирования региональных конфликтов. Как и во время биполярного противостояния, сохраняется существенное влияние крупнейших держав на протекание конфликтов в различных горячих точках по всему миру [5].

Однако если во второй половине XX века к таким державам относились только два государства — СССР и США, то на современном этапе их круг гораздо шире. Помимо этого, некоторые страны объединяются, формируя интеграционные структуры (наиболее показательны в этом плане Европейский союз, АСЕАН и Африканский союз), и действуют в качестве коллективных игроков на мировой арене. Опора на совокупный потенциал позволяет не только экономить на издержках, но и повысить их международный авторитет.

Другим отличием текущего периода выступает то, что кроме вовлеченности в военный конфликт (путем отправки войск, предоставления военной помощи, подготовки военного персонала и т.д., что более характерно для блоковой дипломатии), расширяется практика участия великих держав в содействии политическому урегулированию региональных противостояний. В результате на рубеже XX–XXI веков все чаще наблюдается формирование сетевых форматов по урегулированию военно-политических проблем. Преимущества таких форматов по сравнению с классическими международными организациями и их структурами, занимающимися вопросами безопасности, заключаются в том, что они способствуют объединению за одним столом переговоров непосредственных сторон конфликтов и ключевых посредников (как правило, наиболее влиятельных мировых держав). Таким образом, создаются условия для принятия окончательного решения по политическому урегулированию самими участниками противоборства, а посредники играют роль «балансира» в поиске оптимального для каждой стороны механизма разрешения спора и в последующем — наблюдателя за имплементацией договоренностей. Такой подход обеспечивает соблюдение невмешательства во внутренние дела — одного из основополагающих принципов международного права, закрепленного в Уставе ООН.

* * *

Инструменты сетевой дипломатии для Российской Федерации оказались востребованными на постсоветском пространстве, особенно во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов, когда на территории бывших советских республик начали один за другим вспыхивать внутриполитические и межгосударственные конфликты. С момента распада Советского Союза и по сей день данный регион находится во главе иерархии внешнеполитических приоритетов России [6]. Сохранение влияния на постсоветском пространстве можно было обеспечить только действуя на всех направлениях одновременно — военно-политическом, экономическом и культурно-гуманитарном. Наряду с важностью налаживания конструктивного диалога и сохранения тесных связей в различных сферах с этими государствами, значимой задачей представляется укрепление пояса безопасности по периметру российских границ в странах ближнего зарубежья. Посему пристальное внимание руководством нашей страны уделялось поиску оптимальных решений по урегулированию конфликтов в соседних странах.

Для достижения данной цели Россия стала выступать в качестве одного из инициаторов и ключевого участника гибких форматов по урегулированию кризисов и военно-политических противостояний — Минской группы по урегулированию Карабахского конфликта, Смешанной контрольной комиссии по грузино-осетинскому противостоянию, «женевского процесса» по Абхазии и формата «5+2» по Приднестровью. После августовской войны в Грузии при активном содействии России были запущены Женевские консультации по безопасности и стабильности в Закавказье, а с целью поиска возможного политического решения конфликта на Украине в 2014 году при ее поддержке был создан Нормандский формат.

Не все переговорные процессы в рамках вышеобозначенных параметров продемонстрировали свою эффективность в ходе многолетней работы, однако каждый из них позволял, по крайней мере на время заморозить враждебные действия путем обеспечения принятия соглашений о прекращении огня и об обмене военнопленными. Деятельность таких сетевых площадок внесла весомый вклад в организацию прямого диалога между непосредственными сторонами противоборства с привлечением государств и многосторонних структур — основных посредников. Анализируя результаты функционирования данных форматов можно сделать вывод, что они использовались для согласования промежуточных решений, а не долгосрочных договоренностей. Такая тактика ориентирована на создание благоприятных условий «на земле» (посредством установления режима прекращения огня и контроля со стороны посредников за его соблюдением) для дальнейшего политического процесса.

Существенным препятствием при выработке и реализации долгосрочных договоренностей в отношении урегулирования конфликтов выступали разногласия не только между его участниками, но и между посредниками, потенциально способными повлиять на позиции сторон на переговорах. Особенно показательной в этом плане является деятельность Нормандского формата по урегулированию конфликта на Украине.

Хронология взаимодействия в «нормандской четверке», объединившей Россию, Францию, Германию и Украину, а также представителей Донецкой и Луганской народных республик подтверждает тезис о том, что наиболее успешная фаза данного формата приходится на первые годы его функционирования — 2014–2016 годы, когда сохранялась политическая воля сторон к выработке общеприемлемого решения. Именно в эти годы регулярно проходили консультации на высшем уровне (5 встреч), высоком уровне (15 заседаний министров иностранных дел), постоянно поддерживались оперативные контакты и проводились телефонные разговоры. Главным итогом той активности стало подписание Комплекса мер по выполнению Минских соглашений 12 февраля 2015 года — плана, который стал базой всестороннего урегулирования украинского кризиса¹.

¹ Комплекс мер по выполнению Минских соглашений от 12.02.2015 // ОБСЕ. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/5/b/140221.pdf> (дата обращения: 20.03.2025).

С первыми трудностями подписанты столкнулись уже на первом этапе его имплементации. Помимо регулярных нарушений режима прекращения огня, изначально принципиально отличались подходы сторон к реализации договоренностей. Россия настаивала на необходимости их последовательного выполнения, то есть строго в том порядке, который закреплялся в документе. Это предполагало, что восстановление контроля Украиной над государственной границей в зоне конфликта и вывод войск под наблюдением ОБСЕ будет осуществлен только после всеобъемлющего прекращения огня и выполнения политических статей, связанных с обеспечением особого статуса ДНР и ЛНР [7]. На практике не только киевский режим саботировал комплексное осуществление Минских соглашений, но и Франция с Германией лояльно относились к такому течению событий. Противоречия достигли апогея в 2021 году, когда Берлин и Париж выступили против прямого диалога между сторонами конфликта – Киевом, Донецком и Луганском [8, с. 43]. Как следствие, Нормандский формат был распущен, а реализация Комплекса мер провалена. Углубилась деградация в области безопасности в Европе.

* * *

В конце 1990-х годов и особенно в начале 2000-х годов российская дипломатия начала претерпевать существенные изменения. Вместо прозападного курса бывшего министра иностранных дел России А.В. Козырева и сосредоточения преимущественно на вопросах взаимодействия со странами ближнего зарубежья широкую практику получила «доктрина Е.М. Примакова», столпом которой выступала цель по диверсификации направлений отечественной внешней политики с учетом национальных интересов Российской Федерации [9]. Избирательное партнерство с Западом и отход от принципа кондициональности при сотрудничестве с данной группой государств, постепенное наращивание связей с Азией и другими регионами, при этом – сохранение тесных связей и наращивание контактов на постсоветском пространстве – все эти задачи отражали новый стратегический курс внешней политики России на ближайшее десятилетие [10].

Долгосрочной стратегической целью выступало повышение глобальной роли России, как ответственного игрока на мировой арене, обладающего существенным географическим, демографическим, экономическим и военно-политическим потенциалом. Это повлияло и на развитие сетевой дипломатии России в сфере безопасности, в том числе на ее участие в форматах по урегулированию конфликтов и кризисов. Для повышения авторитета и подтверждения статуса великой державы Российская Федерация начала продвигать собственные подходы по разрешению наиболее значимых региональных конфликтов за пределами своей традиционной «зоны влияния» (постсоветского пространства). Она активно участвовала в переговорных процессах по ближневосточному урегулированию (как один из посредников «ближневосточного квартета») и разрешению проблемы денуклеаризации

Корейского полуострова. И в конце 2000-х годов стала одним из государств — участников переговоров «5+1» по ядерной программе Ирана, завершившихся принятием политического соглашения — Совместного всеобъемлющего плана действий (СПД) в 2015 году.

Прорывным моментом в развитии российской сетевой дипломатии в сфере традиционной безопасности на глобальном уровне можно считать середину 2010 годов. Тогда Россия была не просто одним из значимых участников переговорного формата, а инициатором создания такой платформы. Речь идет о сирийском треке.

Первоначально дискуссии по проблеме урегулирования сирийского кризиса, переросшего после волны восстаний «арабской весны» в полно- масштабную гражданскую войну, проходили в Женеве на министерском уровне с участием девяти государств (Великобритании, Ирака, Катара, Китая, Кувейта, России, США, Турции и Франции), Европейского союза и глав международных организаций — ООН и Лиги арабских государств. Данный этап был важен для закрепления базовых принципов поэтапного мирного урегулирования, включавших формирование сирийского переходного правительства с членством всех заинтересованных сторон, проведение президентских и парламентских выборов, а затем — создание постоянного правительства².

В 2014 году Россия совместно с США выступила уже в качестве инициатора созыва новой конференции — Женевы-2. На этот раз встречу посетили 39 государств и, что особенно важно, впервые представители официальной Сирии включали главу внешнеполитического ведомства страны и делегацию оппозиции. Результатом переговоров стала договоренность об эвакуации жителей из провинции Хомс³. Кроме участия в проведении официальных министерских встреч в рамках женевского процесса Россия стремилась содействовать прямому диалогу сторон. В частности, в 2015 году Москва стала местом проведения межсирийских консультаций.

Параллельно с этим проходили заседания Международной группы в поддержку Сирии (МГПС), состоящей из 17 стран, а также представителей ООН, ЕС и ЛАГ. О признании значимости Российской Федерации как одного из посредников в сирийском урегулировании свидетельствует то, что она вместе с США и спецпосланником Генерального секретаря ООН осуществляла в МГПС функции сопредседателя. Именно на данной площадке были согласованы важнейшие аспекты резолюции Совета Безопасности ООН № 2254 — базового документа по сирийскому досье⁴.

² Заключительное коммюнике «Группы действий» по Сирии, Женева, 30 июня 2012 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1602175/ (дата обращения: 20.03.2025).

³ Transcript of press conference by Joint Special Representative for Syria (JSRS) Lakhdar Brahimi, Geneva, 30 January 2014. URL: <https://www.ungeneva.org/en/news-media/press-conference/2014/01/transcript-press-conference-joint-special-representative-5> (дата обращения: 20.03.2025).

⁴ Резолюция Совета Безопасности ООН № 2254 S/RES/2254. URL: <https://www.mid.ru/upload/media/library/4ac/Резолюция СБ ООН 2254.pdf> (дата обращения: 20.03.2025).

Несмотря на отдельные достижения вышеуказанных форматов, действовавших в дополнение к официальным дипломатическим трекам, к 2016 году переговорный процесс между Россией и США, в том числе в Женеве, заслопорился. Главной причиной послужила невозможность американского государства повлиять на умеренную оппозицию Сирии и, как следствие, провал реализации плана по размежеванию сирийской оппозиции и террористических группировок.

Для выхода из тупика Россия совместно с Турцией и Ираном инициировала запуск нового — Астанинского — переговорного процесса⁵. Весь диалог на площадке выстраивался с учетом принятой в СБ ООН резолюции № 2254, а во главу угла ставились интересы самого сирийского народа. Весомый вклад переговоры в Астане внесли в размежевание умеренной и радикальной оппозиции, формирование четырех зон деэскалации. Эти договоренности создавали условия для дальнейшего процесса политического урегулирования.

Россия неоднократно подчеркивала, что Астанинский формат должен объединить все стороны конфликта — правительство и различные группы оппозиции, которые и будут принимать финальное решение по вопросам политического урегулирования. С этой точки зрения важным этапом переговоров стал созыв в 2018 году в Сочи Конгресса сирийского национального диалога, на котором впервые за одним столом переговоров была представлена эмигрантская (внешняя) и внутренняя сирийская оппозиция. По итогу участники договорились, в том числе о создании конституционного комитета для разработки основного закона Сирии⁶.

Последующее продвижение в урегулировании военно-политического кризиса осложнялось рядом факторов как внутреннего, так и внешнего характера. Обстановка «на земле» остается нестабильной по сей день, сохраняются очаги напряженности в зонах, где широко представлены алавиты (прежде всего, в Латакии), — сторонники свергнутого президента Б. Асада. Помимо американского влияния (в т.ч. попытки решения вопроса силовым путем в 2018 г. специально созданными «силами безопасности»), наблюдаются противоречия по отдельным вопросам и между участниками Астанинского формата. Особенно острым остается «курдский вопрос», затрагивающий интересы Сирии, Турции и Ирана. Негативный фон создает и общая дестабилизация ситуации в регионе из-за реэскалации палестино-израильского конфликта и обострения противостояния Израиля и государств арабского мира в целом.

⁵ Переговоры по Сирии в астанинском формате // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20241111/peregovory-1982732356.html> (дата обращения: 20.03.2025).

⁶ Заключительное заявление Конгресса сирийского национального диалога, Сочи, 30 января 2018 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/krizisnoe-uregulirovaniye-regional-nye-konflikty/obstanovka-v-sirii-i-perspektivy-vnutrisiriskogo-dialoga/1562196/ (дата обращения: 20.03.2025).

Тем не менее уже сам факт поддержания диалога в инициированном Россией Астанинском формате и российское участие в достижении договоренностей по военно-политической нормализации положения в Сирии и закрепление базовых параметров мирного урегулирования конфликта подтверждают тот факт, что наша страна сегодня пользуется высоким международным авторитетом. Достижения по сирийскому треку продемонстрировали эффективность российского подхода к выстраиванию сотрудничества в сфере безопасности, предусматривающего необходимость учета основополагающих принципов международного права, включая Устав ООН, интересов участников конфликта и содействие принятию политического решения ими самими при поддержке посредников, способных оказать влияние на позиции сторон.

Сетевая дипломатия в противодействии новым вызовам и угрозам

По мере секьюритизации неклассических (не военно-политических) сфер обострения проблематики новых вызовов и угроз в условиях расширения субъектного состава участников мировой политики в 1990-е и 2000-е годы наблюдалось существенное расширение глобальной повестки международного сотрудничества в области безопасности. Помимо задач по содействию урегулированию региональных конфликтов и кризисов, укреплению миротворческой деятельности, особое внимание стало уделяться борьбе с терроризмом, наркотрафиком, организованной преступностью. В 1998 году на глобальном уровне под эгидой ООН был запущен новый трек межгосударственного сотрудничества, связанный с обеспечением международной информационной безопасности.

То, что проблема новых вызовов и угроз не абстрактное явление, а реальность, стало особенно очевидным после теракта 11 сентября 2001 года, последующего развития террористических движений в Афганистане и государствах Ближнего Востока и Северной Африки, а затем — и в других регионах мира. В начале 2000-х годов волна терактов накрыла и российские города. Кроме того, дестабилизация внутриполитической ситуации в отдельных регионах способствовала росту организованной транснациональной преступности, обернулась увеличением незаконной торговли оружием, наркотическими и психотропными веществами. Новым феноменом на международной арене стало использование в противоправных целях информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Доступ недобросовестных акторов мировой политики к новым технологиям привел не только к повышению уязвимости личности и целых государств в Интернете, создавая угрозу технической защищенности их сетей, но и к качественной трансформации других угроз — терроризма и преступности, их гибридизации [11].

С учетом данных тенденций претерпела изменения и сетевая дипломатия в сфере безопасности. Учитывая трансграничный характер угроз нового типа,

важно было привлечь различные государства мирового сообщества, прежде всего, обладающие достаточным потенциалом, для выработки эффективных решений на данном направлении. Специализированные площадки для диалога создавались в рамках ООН и региональных организаций. С середины 2000-х годов повысился уровень востребованности в формировании и укреплении сетевых форматов для борьбы с новыми вызовами и угрозами, которые бы объединяли не только государства, но и другие заинтересованные стороны из числа представителей многосторонних структур (интеграционных объединений и международных организаций) и неправительственного сектора.

Одним из преимуществ сетевой дипломатии выступает высокая степень адаптивности к постоянно меняющимся геополитическим реалиям. Учитывая не только стремительное увеличение случаев проявления новых вызовов и угроз, но и постоянное качественное развитие методов их совершения, беспрецедентную скорость распространения и выхода за пределы национальных границ, именно эта особенность сетевых форматов становится важнейшим элементом построения многоуровневой системы обеспечения безопасности. В такой системе стратегическое планирование и принятие политических решений сохраняются за государствами, которые взаимодействуют в рамках классической дипломатии, а сетевые площадки с участием других акторов мировой политики играют вспомогательную роль в поиске оптимальных средств и механизмов борьбы с угрозами.

Расширение участия неправительственных сторон — узкоспециализированных экспертов по конкретной проблематике, включая технических специалистов, открывает возможность использования их практических навыков и компетенций, привлечения дополнительных финансовых ресурсов для развития инфраструктуры поддержания безопасности. При этом российский подход основан на том, что важно не допустить их уравнивания в правах с национальными правительствами. Инструменты сетевой дипломатии скорее ориентированы на обеспечение согласованности и скоординированности действий на наднациональном, межгосударственном и внутригосударственном уровне, на каждом из которых наращивают активность неправительственные субъекты. Обмен опытом и наилучшими практиками между правительствами и НПО помогает повысить эффективность оперативной реализации политических решений [12, с. 33].

Россия участвует в деятельности сетевых структур по противодействию новым вызовам и угрозам на различных направлениях, причем особое место занимают площадки, функционирующие под эгидой ООН. Они вырабатывают общие рекомендации для стран и регионов, наиболее уязвимых перед лицом того или иного типа угроз, содействуют наращиванию их потенциала путем проведения совместных учений, обучающих семинаров и конференций, подготовки персонала с привлечением узкопрофильных специалистов.

Так, Российская Федерация в индивидуальном статусе и как государство — член ОДКБ, ШОС и СНГ подключается к работе Целевой группы по

осуществлению контртеррористических мероприятий (ЦГОКМ), созданной по инициативе Генерального секретаря ООН в 2005 году. В частности, большое значение уделяется борьбе с террористической угрозой в Центральной Азии. Российские представители регулярно участвуют в Конгрессе по предупреждению организованной преступности, объединяющем высшее руководство соответствующих министерств и иных органов государственной власти, а также экспертов из частного сектора.

Важное значение в России придается копированию афганской наркотической угрозы. С этой целью в развитие Парижского пакта от 2006 года российская сторона выступила с инициативой проведения министерской конференции «О путях поставки наркотиков из Афганистана»⁷. Встречу посетили представители 55 государств и 23 международных организаций, отвечающих за безопасность.

Еще один инструмент сетевой дипломатии в области безопасности, активно используемый Россией на данном треке, — это рабочие группы, формируемые при международных (ООН) и региональных организациях (ОДКБ, СНГ, ШОС, АСЕАН). В связи с этим отдельного внимания заслуживает инициатива, инициированная в 2018 году Российской Федерацией Рабочая группа открытого состава ООН по безопасности в сфере использования ИКТ и самих ИКТ (РГОС)⁸. В долгосрочной перспективе стратегической целью России на данной площадке является принятие юридически обязательной конвенции.

Для международного сотрудничества в сфере информационной безопасности беспрецедентным стало и то, что впервые к переговорам по данной проблеме подключились все государства — члены ООН, и то, что для бизнеса, научно-аналитических и исследовательских центров, гражданского общества были организованы неформальные консультации с участием председателя РГОС. Получившие аккредитацию НПО и частные компании могли присутствовать в качестве слушателей на межправительственных заседаниях группы. Такой подход обеспечил непосредственное вовлечение неправительственных экспертов не только в диалог по вопросам противодействия ИКТ-угрозам, но и в процесс подготовки промежуточных и итоговых докладов. На официальном сайте РГОС регулярно публиковались их доклады в соответствии с мандатом этой организации — рекомендации по совершенствованию системы международной информационной безопасности⁹.

Новаторство РГОС заключается в том, что расширилось участие в переговорах представителей региональных организаций и интеграционных объединений различных регионов мира — Европы, Азии, Латинской Америки

⁷ Парижский пакт от 2006 г. (Справка). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1742101/ (дата обращения: 20.03.2025).

⁸ Резолюция ГА ООН A/73/PV.45 от 5 декабря 2018 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/27> (дата обращения: 20.12.2023).

⁹ Open-ended Working Group: официальный сайт. URL: <https://www.un.org/disarmament/open-ended-working-group/> (дата обращения: 20.12.2023).

и Африки. Большинство представителей многосторонних структур, причем как развитых, так и развивающихся государств, делали акцент на необходимости выработки дополнительных мер в сфере наращивания потенциала. Страны ШОС и БРИКС подчеркивали важность предотвращения военно-политических конфликтов в информационном пространстве.

Схожий с точки зрения организации деятельности механизм был запущен в рамках борьбы с информационной преступностью также по инициативе России. В 2019 году была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, положившая начало созданию Специального комитета открытого состава ООН по разработке универсальной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях¹⁰. Ключевым достижением данного комитета стала подготовка и согласование к концу 2024 года профильной всеобъемлющей Конвенции.

* * *

Таким образом, сегодня использование инструментов сетевой дипломатии в сфере безопасности становится все более актуальным с учетом новых тенденций на международной арене. Россия, следуя духу времени, с конца 1990-х годов делала ставку на создание и развитие сетевых форматов по урегулированию конфликтов, причем если первоначально внимание было сосредоточено на постсоветском пространстве, то в середине 2000-х годов с учетом смены стратегических внешнеполитических ориентиров их дополнили подобные форматы и в других регионах — на Ближнем Востоке и в Азии. С точки зрения национальных интересов Российской Федерации, подключение к работе таких площадок позволяло укрепить пояс безопасности по периметру российских границ и усилить ее роль как одного из мировых центров силы, ответственного за поддержание международной стабильности и безопасности.

Другим значимым направлением развития отечественной сетевой дипломатии стало участие в рабочих группах по противодействию новым вызовам и угрозам, которые создавались для решения конкретной проблемы — борьбы с террористической угрозой, наркотрафиком, организованной преступностью и ИКТ-угрозами. Важно отметить, что зачастую российская сторона сама инициировала запуск переговорных процессов, объединяющих широкий круг государств и представителей неправительственного сектора при сохранении главенствующей роли национальных правительств. Как показали итоги работы отдельных механизмов, такие площадки не только открывали возможность для обмена опытом и наращивания практикоориентированного сотрудничества на базе политических решений, но и позволяли более детально и с опорой на знания узкоспециализированных экспертов подойти к выработке мер по купированию тех или иных угроз.

¹⁰ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/74/247 от 27 декабря 2019 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/247> (дата обращения: 20.12.2023).

Список литературы

1. Лебедева О.В., Морозов В.М., Шебалина Е.О. Network Diplomacy: Theory // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. № 11(85). URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/bf4/Network%20Diplomacy-%20Theory.pdf> (дата обращения: 20.03.2025).
2. Metzl Jamie. Network Diplomacy Carnegie Georgetown Journal of International Affairs. Winter / Spring. 2001. Vol. 2. № 1.
3. Slaughter Anne-Marie. The Chessboard and the Web: Strategies of Connection in a Networked World. New Haven: Yale University Press. 2017.
4. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: a new framework for analysis // Lynne Rienner Publishers. 1998. 239 p.
5. Барановский В.Г. Изменения в глобальном политическом ландшафте // Пути к миру и безопасности. 2017. № 1(52).
6. Donaldson R., Nadkarni V. The foreign policy of Russia: changing systems, enduring interests / Sixth edition. New York: Routledge, 2019. 496 p.
7. Бобров А.К. Концептуальные основы внешней политики России. М.: Аспект Пресс. 2025. 256 с.
8. Дейнего В.Н. Минские соглашения: взгляд через десять лет после подписания базовых документов // Международная жизнь. 2025. № 1.
9. Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10.
10. Комар Ю.И. Недервин Питерс Я. Глобальное изменение баланса сил: кризис и поворот к Востоку и Югу // Россия и современный мир. 2012. № 2.
11. Стригунов К.С., Манойло А.В., Петренко А.И. Гибридизация международного терроризма и транснациональной преступности на современном этапе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 4. URL: <https://history.jes.su/s207987840020330-2-1/> (дата обращения: 20.03.2025).
12. Столков Д.С. Новые тенденции в российской дипломатии после 24 февраля 2022 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17. № 1.